

«Голову срезал палач и мне...»

Сто лет назад был арестован и расстрелян Николай Гумилев

Он собирался прожить 90 лет. Прожил всего 35. Дворянин, монархист, путешественник, воин, поэт, наконец, первый муж Анны Ахматовой, Николай Гумилев был арестован в Петрограде 3 августа 1921 года. А в ночь на 26 августа расстрелян по так называемому делу боевой организации Таганцева. О месте его захоронения историки спорят до сих пор. Об этой незаурядной личности, о загадках жизни и смерти Гумилева мы говорим с поэтом, лауреатом Солженицынской и Патриаршей премий **Юрием КУБЛАНОВСКИМ**.

Юрий Кублановский – давний поклонник творчества Гумилева. Фото из личного архива

– Юрий Михайлович, приходилось читать, что Николай Гумилев вошел в историю не как выдающийся поэт, а, прежде всего, как путешественник, крупнейший исследователь Африки, передавший, в частности, в Кунсткамеру богатую коллекцию своих находок. Согласны с такой оценкой?

– Разумеется, нет. Это все равно, что сказать, будто адмирал Колчак вошел в нашу историю, прежде всего, как полярный исследователь...

Стихи Гумилева пережили десятилетия насильственного запрета. Но уже в 60-е годы они стали популярным достоянием самиздата: помню бледную машинопись на папиросной бумаге. Эти стихи читали не только исподтишка в студенческих аудиториях и курилках НИИ, но и наизусть – в лагерях Мордовии, и они помогали политзекам морально. Да и ту же Африку многие читатели знают из его стихотворений, из замечательного «Жирафа», к примеру.

У Гумилева много превосходных стихов. Но они еще и трагически окрашены его насильственной гибелью. Ведь Гумилев оказался первым мучеником советской литературы. Александр Блок, который, помнится, все призывал интеллигенцию «слушать музыку революции», последнее, что услышал – весть об аресте Николая Степановича, и умер через четыре дня.

– Ходасевич писал о ребячливости Гумилева, о том, что тот играл в покорителя Африки, в войну. Так ли это? Лично мне трудно представить, что ради красивого жеста можно оставить молодую жену, добровольцем отправиться на фронт Первой мировой и заслужить там два Георгиевских креста...

– Ходасевич в сравнении с Гумилевым – человек сугубо штатский, партикулярный, чуждый патриотическому армейскому духу. Гумилев воин по сути. Если тут и было что-то поначалу напускное, то вскоре сделалось для него органичным. Другое дело, что он, быть может, опоздал родиться. У него, как

у Пушкина или Лермонтова, было труднообъяснимое влечение к физической опасности. В Золотой век он был бы уместнее. Правда, тогда Гумилев мог бы умереть не от чекистской пули, а на дуэли.

Ходасевич тут – вполне в своем духе – работал на занижение. Его с Георгиевским крестом на груди, конечно же, не представишь.

– Когда разразился октябрьский переворот, Гумилев волею судеб оказался за рубежом. Со своим дворянским происхождением и монархическими убеждениями он мог осесть в Париже или Лондоне, но вернулся в советскую Россию. Как вы объясняете этот шаг?

– Во-первых, попервоначально, а из-за рубежа тем более, невозможно было понять, что случилось с Россией. То, что приход к власти ленинцев казался многим каким-то исторически недолговечным казусом, вполне объяснимо. Даже и некоторые большевики не верили сначала в долготу своего правления...

Есть сведения, что Гумилев пытался задержаться в Лондоне: искал там работу, но не нашел. Жить поэту в Европе было не на что, да и нечего было делать. Думать в начале 1918 года о долговечной политической эмиграции ему и в голову не могло прийти. А вот дома, в России, он мог окунуться в такую органичную для него литературную среду, по которой он, конечно, соскучился.

А еще появлялась возможность принять участие в сопротивлении большевизму: у него было офицерское монархическое сознание. В этом его отличие от большинства других литераторов-современников, от Осипа Мандельштама, к примеру, который, как известно, сочувствовал эсерам. Но, возвращаясь на Родину, Гумилев, думается, и помыслить не мог, что встает тем самым на тропу мученичества.

– Есть три версии ареста и гибели Гумилева. Что он не участвовал в заговоре против советской власти и ничего об этом не знал. Что знал, но не донес об этом властям. И что так называемое дело боевой организации Таганцева изначально было сфабриковано ЧК. Вам какая версия кажется наиболее убедительной?

– В 1983 году я брал в Париже интервью у поэтессы Ирины Одоевцевой, ученицы Гумилева, к которой он был, кажется, равнодушен. Она вспомнила, что однажды у себя дома Гумилев машинально раскрыл ящик письменного стола, который – к ее изумлению – был доверху набит деньгами. Одоевцева считала, что это деньги заговорщиков.

Так это или не так, но участие поэта в антисоветском заговоре вполне вероятно. Только режет слух слово «заговор»: это была естественная попытка сопротивления. Гумилев обязательно примкнул бы к белым, появись у него такая физическая возможность. И свои убеждения он не считал нужным скрывать. Кстати, чекисты ломали его на допросах всерьез. Расстрел его необъяснимо скоропалителен. Он буквально оглушил тогдашнее общество.

– Любимые темы в поэзии Гумилева – путешествия, любовь, искусство, жизнь, смерть. И практически нет политически окрашенных стихов, столь характерных для поэтов того времени – Маяковского, Есенина, Блока...

– Вы забыли упомянуть еще и Осипа Мандельштама: «Когда октябрьский нам готовил временщик ярмо насилия и злобы». Или строки Ахматовой, которые так восхищали Блока: «Когда приневская столица, забыв величие свое, как опьяневшая блудница, не знала, кто берет ее»... Видимо, Гумилев по возвращении в Россию был так оглушён увиденным, что не нашел нужного ключа для политической лирики. Но вот его прославленное стихотворение «Заблудившийся трамвай» с жуткими образами я воспринимаю, как стихотворение политическое, несмотря на смысловые отсылы к XVIII столетию.

– Своей личностью и поэзией Гумилев оказал огромное влияние на целый пласт русской поэзии – от Ахматовой и Мандельштама до Всеволода Рождественского и Николая Тихонова. Между тем, приходилось читать у современников Гумилева, что стихи у него – не живые, а сконструированные. Что он любит все изысканное, экзотическое, странное. Да и сам он, дескать, – поэт для поэтов, а не для публики...

– Эти характеристики относятся скорее к юношеским стихотворениям Гумилева. На это указывал еще Александр Блок, упрекая акмеистов в безжизненном эстетизме. Но именно революционная катастрофа пробудила акмеистическую поэзию к напряжённой жизни. И сделала акмеистов, включая и эмигранта Георгия Иванова, лучшими, пожалуй, выразителями того дикого времени. Советские же подражатели Гумилева мне, скажу честно, малоинтересны, хотя я не отрицаю их даровитости. Уж больно они гремучие.

– В разговоре о Гумилеве нельзя обойти его взаимоотношения с Анной Ахматовой, мужем которой он был на протяжении восьми лет. Гумилев долго добивался ее руки, получал отказ три раза. Когда же Анна Андреевна согласилась выйти за него замуж, их брак очень скоро дал трещину. Почему? Двум крупным поэтам и личностям было тесно в четырех стенах, в рамках одной семьи? Или дело в пылкости их темпераментов, в том, что Гумилев был «повеса из повес», как о нем отзывались современники?

Скульптурная композиция «Семья Гумилевых» в Бежецке. Фото: [Global Look Press](#)

– Да, двум таким поэтам ужиться, пожалуй, было невозможно. Потому Ахматова долго и не соглашалась на брак, что, будучи в житейском отношении, видимо, мудрей Гумилева, предвидела быструю обреченность их семейных отношений. Ну а Гумилев и впрямь был по-пушкински горяч и влюбчив. В 1910 году он написал стихотворение «Дон Жуан», где, на мой взгляд, дал самую емкую и точную характеристику Дон Жуана:

*И лишь когда среди оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей,
Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.*

И Гумилёв и Ахматова смолоду были чрезвычайно честолюбивы и своенравны. Какая уж тут семейная жизнь...

– И последнее... Ахматова в свое время написала, что Гумилев – «самый непрочитанный поэт». С тех пор ситуация изменилась? Что может вычитать у «забытого» в свое время, а точнее, у вычеркнутого из истории литературы поэта сегодняшний пытливый читатель?

– Тот, для кого поэзия необходимый спутник жизни, ценит и любит стихи Гумилева. Правда, несколько потускнел его ориентальный романтизм, поблекло его наивное волшебство. Но в сухом остатке все равно много славных стихотворений с вышеупомянутым «Заблудившимся трамваем» во главе. Провидческий «Рабочий» или вот так восхитивший Цветаеву «Мужик»:

«В гордую нашу столицу/ Входит он – Боже, спаси! –/ Обворожает царицу/
Необозримой Руси».

Как прекрасно! И что может быть лучше, чем когда строка до отказа заполнена только двумя словами, как в данном случае. Гумилёв – целый поэтический мир, в котором много своеобразной прелести, мужественности, красоты и аромата Серебряного века – последней культурной страницы Российской империи. Он – алмаз в оправе времени, из которой его не вынешь.